

ПРАВДА О КУЛЬВАРАШЕ*

Предисловие

О репрессиях 1930-х годов знают многие соотечественники, родившиеся в СССР. Знает также, надеемся, и часть поколения молодежи.

Волна репрессий не только затронула, но, словно цунами, прошла и по Башкирии. Репрессированных соотечественников (вначале их называли спецпереселенцы, затем трудпоселенцы) переселяли в специальные поселки, или, коротко, спецпоселки (впоследствии трудовые поселки, трудпоселки), которые первоначально были номерными.

На территории Республики Башкортостан репрессированных выселяли не менее чем в 87 населенных пунктов, включая города. Создавались и отдельные спецпоселки, в которых находились (лучше сказать, содержались) только репрессированные и их семьи под охраной сотрудников ОГПУ (затем НКВД). В 1931 г. в Башкирии организовали 10 спецпоселков, на 1 января 1934 г. их было 16. В Нурымановском районе таких спецпоселений было 8, включая Отдел Мест Заключения (ОМЗ, проще говоря – тюрьма) Гоголевские Пруды (Прудки).

Находились спецпереселенцы под неусыпным наблюдением комендатуры, на территории спецпоселков стояли вышки охраны (известны в Красивой Поляне и в Кульвараше).

Болезни, голод, невыносимые условия жизни и труда, отсутствие врачей, лечебных учреждений и медикаментов приводили к массовой гибели людей в спецпоселках. Гибли новорожденные дети, люди пожилого возраста. Хоронили (если могли это сделать в соответствии с той или иной верой) целыми семьями.

К одному из таких бывших спецпоселков – Кульвараш, располагавшемся в Дуванском районе, граничащим с Нурымановским, трудно было отнести слово хоронили. Согласно сведениям (**не доказанным до настоящего времени**) в Интернет, зимой тела умерших топили в озере, спуская в прорубь, так как у оставшихся в живых не было сил копать мерзлую землю.

Вероятно, на основании этих сведений также в Интернет приводятся рассказы побывавших на озере наших современников о том, что видели они какие-то светящиеся шары, черные тела-цилиндры, слышали странные звуки на этом озере. Всё это рассказчики связывают с душами затопленных умерших, придавая озеру мистику.

До сих пор нет точных данных о количестве спецпереселенцев Кульвараша. Некоторые из рассказчиков приводят число жертв равное 10000! Сегодня можем привести максимальное **число спецпереселенцев Кульвараша**, которое мы установили из архивных материалов: **841 человек из 187 семей**. Полагаем, что если эти цифры и больше, то незначительного.

К сожалению, исторические сведения, документальные факты о жизни людей в Кульвараше отсутствовали в доступной нам литературе и в Интернет до тех пор, пока мы не нашли книгу М.Г. Абдуллиной-Алимбековой «И, язымыш, язымыш...», изданной в 1998 г. на татарском языке, в которой о жизни репрессированных этого спецпоселка приводятся воспоминания Халиды Фасхетдиновны Нажметдиновой, жившей в Кульвараше в 1931-33 гг.

Чтобы установить правду, найти факты, доказывающие или опровергающие информацию о том, что в озере Кульвараш в те 1930-е годы топили тела умерших, описать эти места с точки зрения исторических событий, а не мистических явлений, в течение 2020-2021 гг. мы пытались совершить экспедицию на Кульвараш. Наконец, нам это удалось в ноябре 2021 г.

Приводим здесь рассказ, в котором воспоминания репрессированных сопоставляются с современной картиной мест бывшего спецпоселка, приводятся фотографии озера, найденных артефактов и, впервые, карта-схема спецпоселка Кульвараш 1932 г.

Автор просит читателей простить за нескромность повествования, в котором местоимение «мы» заменил на «я».

Итак, правда о Кульвараше.

** При использовании стр. 1-18 материалов ссылаться на сайт.*

Материалы из книги: Хайруллин Рам. М. Красивая Поляна: 1931–1941. Уфа: Башкирский ГАУ, 2023. 680 с., подписаны отдельно. Курсивом и жирным шрифтом выделено нами.

Родился я в Красивой Поляне Нуримановского района. О Кульвараше, или Кульбараше, так называла это место моя бабушка Майгуль, слышал с детства. Упоминала она этот поселок в разговорах не то чтобы со страхом, но как-то тихо, как о какой-то тайне, как о месте, которым дети пугают друг друга вечером.

На самом деле, как стало мне известно при поиске материалов о Красивой Поляне, вероятно, Кульвараш, или, как еще его называют, Кульваряш и стал своеобразным кладбищем не одной сотне наших соотечественников.

Кульвараш упоминали в беседах и старожилы Красивой Поляны. Оказалось, что некоторые красивополянцы «прошли» и через этот спецпоселок, которого ни на одной из доступных мне карт я так и не нашел (на некоторых картах указано только озеро с таким названием в пятнадцати километрах южнее села Сафоновка Дуванского района). Поэтому я посчитал необходимым рассказать и о Кульвараше.

Нельзя рассказывать об истории конкретных спецпоселков, не представляя мест, где они когда-то располагались, не побывав на их бывшей территории. Так я решил, продолжая наш проект, который размещен на сайте krasivayaarolyana.com, побывать на местах поселков Гоголевские Пруды (или Прудки), Осинный Лог, Саулла, Красный Камень, Аликудра, Каменное Заделье (Задолье), Вершина Салдыбаш (Салдыбаш №3, Вершина Салдыбаш №3, Верхний Салдыбаш). Все эти спецпоселки располагались на территории Нуримановского района. Замечу, что Красный Камень, как поселок спецпереселенцев нигде не указывается, но основали его и жили, вернее, отбывали в нем наказание тоже репрессированные.

Кульвараш входит в Дуванский, а не в Нуримановский район, но я, всё же, считаю, что он спецпоселок и красивополянцев, как бы абсурдно на первый взгляд это не звучало, потому что некоторые из красивополянцев в 1930-1931 годах были доставлены в Кульвараш под конвоем и благодаря стремлению выжить во что бы то не стало, благодаря терпению, трудолюбию, надеясь на помощь и милость Всевышнего и веря в него, чудом остались в живых.

В первый год экспедиций – 2020-й, благодаря помощи Олега Баскунова, мне удалось побывать на местах, где были поселки Саулла, Каменное Заделье, Красный Камень, Аликудра, а с помощью Николая Труханова – на месте Осинного Лога и барака братьев Савельевых, находившегося на 4-5 километров выше от устья сухого русла реки Кудаш.

В 2021 году, вновь благодаря Николаю Труханову, побывал на месте поселка Нижний Кудаш, который располагался в устье сухого Кудаша, и куда был поселен мой дед Нурлыгаян Нуруллоевич вместе с моей бабушкой Майгуль, моим отцом Магзинуром и его братишкой Фагимом. Удалось в ту поездку также найти место Степановских Прудов – поселка, который есть на некоторых старых картах, но о котором никто из тех красноключевцев или красивополянцев, с кем я общался с вопросом об этом поселении, ничего не знали.

С помощью Камиля Шарафутдинова и Марата Сахабутдинова удалось также в мае 2021 года посетить место Гоголевских Прудов - бывшей тюрьмы НКВД. Оставались два спецпоселка: Кульвараш и Вершина Салдыбаш №3.

Подходы к Кульварашу начал искать еще осенью 2020 года, побывав в Первомайске и расспросив у местных жителей, как туда добраться. Ответ был таким: «Знаем эти места, но добраться туда можно только на УРАЛах или КАМАЗах. Очень уж плохая туда дорога». Впереди была зима, и оставались надежды и планы на летний сезон 2021 года.

В начале лета 2021 года вновь поехали с супругой в Первомайск искать местных жителей – возможных проводников, фамилии которых назвали мне Михаил Зверев, Рафаэль Шахмаев и Сергей Васильцов. Но, к сожалению, никто из первомайцев, названных моими знакомыми, не согласился пойти на Кульвараш, сославшись на занятость (стройка, огород).

Зная, что был в этих местах Михаил Гордеев – сын репрессированного кульварашца Виктора Гордеева, обратился к нему. Сразу же получил положительный ответ: «Поможем организовать поход». Но в силу своей чрезмерной занятости в летний сезон заготовки трав он попросил отложить поездку на «позже». Принимая во внимание, что у Михаила Викторовича напряженный график работы в этот период года, не стал его беспокоить лишними звонками, и тут произошло, можно сказать, чудо.

В очередной поездке в Красивую Поляну вновь встретился с Михаилом Зверевым и Рафаэлем Шахмаевым. Михаил летом помог «вытащить» нас с Колхозных полян на своем китайском внедорожнике Grand Tiger, когда поломалась машина, которую предоставил мне Николай Труханов вместе с его проводниками Рафаэлем Шахмаевым и Сергеем Васильцовым искать место бывшего поселка Нижний Кудаш.

Рассказал мужикам о своих планах. Михаил заинтересовался и предложил свою помощь, только, опять же, позже. Время двигалось к середине октября. Вот появились солнечные дни. Но, вышел из строя стартер внедорожника. Пока Михаил искал запасную деталь, подошел ноябрь.

Пути Господни неисповедимы. На всё воля Всевышнего. Так говорят, и так, вероятно, на самом деле и есть. Накануне с внуками поехали на базу отдыха «Тихий берег» близ деревни Ишимбет. Дорога была сухой. Лужи и грязь по обочинам замерзли. По прогнозу впереди был еще один солнечный день ноября. Мысль о Кульвараше практически никогда не отпускала меня с весны. Написал сообщение Михаилу: «Не замерзли ли дороги в Первомайске и по Кишаму (лог в сторону Кульвараша). Можно ли завтра с утра поехать, и как проводник – согласится ли?». Ответ пришел через минуту: «Давайте, вечером созвонимся».

Созвонились, вернее, пообщались по WhatsApp. Михаил был в Красном Ключе, но согласился выехать в Первомайск для похода на Кульвараш уже накануне вечером. Оставался вопрос с проводником. Ответ пришел и от него: «Согласен». Так в течение нескольких часов решился вопрос с долгожданной экспедицией на Кульвараш. На все воля Всевышнего - трудно не согласиться, вспоминая почти два года поисков путей к заветному месту.

Из Уфы выехал в 6 утра. Взял фотоаппарат, металлоискатель, еду для обеда, термос с кипятком. В машине всегда лежит «набор лесника»: топор, лопата, спички, соль, теплая одежда, сапоги, запас воды.

Примерно в 6-20 выехал из Черниковки. По встречной полосе от Иглино уже шел поток машин! Как рано должны вставать люди, чтобы в 6-20 быть уже по дороге из Иглино в Уфу или стоять на остановках и ждать маршрутный автобус в Шакше, Кириллово, Иглино. Вот на ком держится «бизнес»! Вот, в том числе, благодаря кому, страна держится. А долго ли сможет выдержать человек такую нагрузку круглый год? Каждый день, пять или даже шесть дней в неделю вставать раньше шести утра, наспех кушать, заводить и греть машину или выходить в промозглое осенне-зимнее утро, вернее даже в ночь. По грязи или через снежные сугробы идти к остановке, если на машине - где-то забуксовать. Обедать тем, что взял с собой, или перекусить в общепите рядом с работой. Приезжать домой часов в семь – в половине восьмого вечера (в это время по всей дороге Уфа-Иглино сплошной поток машин, зимой асфальт освещен, как будто установили фонари по обочинам). Поест, посмотреть телевизор или заглянуть в Интернет на сон грядущий и лечь спать. Лечь спать, чтобы утром следующего дня, а может быть уже и наступившего, опять за руль или на автобусную остановку.

Какой иммунитет, какое здоровье, какое благостное настроение? Откуда его взять? А кто присматривает за детьми, если оба родителя так работают по 5-6 дней в неделю? Кто отводит детей в школу, в детский сад (если он есть), забирает их

оттуда и во сколько? Хорошо, если помогают дедушка или бабушка. А если они живут далеко, или их вовсе нет, к сожалению? А когда жить-то, как говорят, полноценной жизнью? Вот так, почти всю жизнь до пенсии. А еще ипотека, кредиты...

Так таким ли плохим был Советский Союз и прошедшие 1970-1980-е с плановым хозяйством? Пожалуй, на этот вопрос мы никогда не найдем однозначного ответа. Можно лишь ответить философски: мир - не черно-белый, мир – цветной. Было при советской власти и плохое, но было и хорошее.

Дорога от Красной горки на Сарву была безлюдной, точнее, не встретился ни один автомобиль. Перед Никольским в кювете встречной полосы на колесах стояла «Лада». Стекла целы, машина только съехала с обочины. Остановился, вышел, посветил фонариком во внутрь салона. В салоне никого нет. Значит, все были целы. Видимо, водитель уснул за рулем, или, возможно резко затормозил на дороге, покрытой гравием: машину занесло, но он успел затормозить и съехать в кювет.

Сарва, 7-40 утра. Рассвело. Поселок уже проснулся. Из труб некоторых домов вертикально поднимается дым. Погода будет ясной. Топят печки – за ночь дома остыли. Представил 1980-е в Красивой Поляне. Зима. В доме пахнет сладковатым дымком, слегка потрескивают дрова, еще темно. Сплохи огня освещают комнату, рисуют на стенах замысловатые картины. Слышен тихий стук посуды на кухне, шум воды, которую наливают в чайник (кухни как таковой и не было в доме, перестроенном из сарая, кухней было пространство за печкой). Керосиновую лампу бабушка еще не зажгла, ее заменяют сплохи огня и свет угольков, падающих в поддувало. Вот потихоньку раздается звук закипающей воды. Его трудно описать. Это не свист и не шум. Так только начинает закипать вода в чайнике на плите, или так только «поет» самовар. Постепенно по дому разливается запах раскаленной железной плиты. Бабушка собирает дядю на работу. Зажгли керосиновую лампу. Оба неторопливо пьют чай. Бабушка молча смотрит в окно, за которым черная пустота и, вероятно, вереница вдовьих годов.

Глядя на дым из труб на фоне гор с покрытыми инеем елями, на изредка проглядывающуюся среди деревьев землю, вспомнил, как приятно было в детстве и юности бродить по горам, незаметно из-за деревьев наблюдать сверху за жизнью поселка. Опять потянуло к размышлениям. Вот вопрос: мы - кто живет в городе, ходим ли по земле? Принимаем ли от нее хорошую энергию и передаем ли, вернее, берет ли она, наша Земля, от нас плохое, накопившееся, чтобы вылечить нас? Живем в многоэтажках, ходим по бетонным полам, покрытым ламинатом или линолеумом. Вышли из дому – под ногами асфальт из нефти. Зашли в автобус или сели в машину – резина под ногами. Вышли, прошлись по асфальту, наступили на бетонный пол в цехе или в офисе. А где она – Земля? Под ногами? Нет. Под ногами бетон, асфальт, пластик, резина. Как говорил мой старший коллега и друг: «Вот, так и живем, так и мучаемся».

Так в воспоминаниях и размышлениях медленно проехал Сарву. Слева остался родник Медвежий. Его воду пьют многие сарвинцы. А какую воду пьем мы? Из-под крана, фильтрованную, бутилированную. Кипяченную в электрочайнике с никем не описанным последствием действия электрических и еще каких-то полей, известных лишь одному Богу. Где она - живая вода, творение Природы? На какой, на чьей Земле мы живем? Кто создает красители, консерванты, ароматизаторы – божий человек или ...?

Вспомнил, как однажды с внуком сели пить чай. На столе был белый хлеб, размороженная протертая с сахаром земляника, масло. Внуку намазал масло на хлеб, сверху – варенье. Он начал кушать.

- Вкусно? - спросили мы с супругой.

Внук закатил глаза:

- Вкусноооо!

С тех пор садимся пить чай – внук просит разморозить земляничное варенье. Теперь уже мечта - найти хлеб, испеченный в печке на углях из той муки, из которой пекли наши бабушки и мамы, намазать полужидкую сладковатую сметану, а сверху свежую измельченную с сахаром землянику. Все от Земли!

Интересно, что некоторые родники вытекают не с той стороны реки, откуда вытекают множество других источников. Например, родник Хисматуллинский, возможно, называли его еще и Басмановским, слева от моста при въезде в Красивую Поляну, выбивает из-под правого берега (если встать по течению Яман-Елги), тогда как все остальные вытекают из-под левого. Такой же и Медвежий: вытекает из-под правого берега Алекудринки, тогда как родник Сарва находится по левую сторону Алекудринки, правда, примерно, за километр от Медвежьего.

Поворот на Сауллу. Остановился. Солнце, наверное, поднялось над горизонтом, а его еще не видно. Горы скрывают его от глаз. Вспомнилась Красивая Поляна. Зимой солнце появляется со стороны Ключевской горы и через пару часов его уже и не видно. Летом 9-10 часов утра, а в наш дом солнце еще не заглянуло.

Термометр показывает минус 14! Рекорд по дороге Уфа-Первомайск. Трава и кусты покрыты инеем. Настоящая зима. А сайты Гисметео и hmn.ru предсказывали только минус 6. Не зря взял теплые вещи.

В памяти всплыл рассказ Халиды Фасхетдиновны Нажметдиновой из книги М.К. Абдуллиной-Алимбековой (И, язмыш, язмыш...Октябрьский, 1998 г). Халида Фасхетдиновна летом 1931 года была доставлена под охраной в Кульвараш вместе с ее мамой и братишкой, а еще раньше, летом 1930 года репрессировали ее отца и вместе с другими учалинцами из пятнадцати сел района привели на озеро под конвоем валить лес и... умирать.

«Зимой отец возвращался домой, в снегу до пояса, мокрый, верхняя одежда обледенелая. Раздевать его было мучением. Лямки лаптей примерзали к штанине, ноги были отморожены. Отец опускал ноги в корыто с теплой водой: через некоторое время поверхность штанины покрывалась блестящей ледяной коркой. Ломая лёд, развязывали лямки; белые-белые сжавшиеся ноги отец до горяча растирал мочой мальчиков. На железной печке ночью сушил одежду, утром снова на работу...».

Вот люди были! Вот были времена! Выжили! А что им помогло? Жизнелюбие, жизнерадостность, вера, что Всевышний их не оставит в беде, поможет им! Только вера, только трудолюбие, только стремление к жизни!

Первомайск. Раньше времени по графику на 10 минут. Напротив магазина, как и объяснял Михаил, стоит его машина Grand Tiger с шильдиком «Toyota». Вся в инее. Несмотря на то, что договаривались к 8-30, машина еще не разогрета, на стеклах иней.

Из трубы дома Михаила шел парок. Тонкий иней внизу окон чуть оттаял. «Встали давно» - подумал я. Посигналил. Минут через пять вышел Михаил. Поздоровались. Михаил признался, что все же не ожидал, что приеду вовремя, так как ехать было далеко. Вернулся домой, вышел с рюкзачком, в летних кроссовках. «Не по сезону» - подумал я. - На улице минус восемь, а он в кроссовках!»

Михаил без труда завел машину. Подошел неизвестно откуда взявшийся Рафаэль Шахмаев. Посудачили о погоде, поездке. Подумал, что, может быть, он и есть проводник. Но, судя по одежде, Рафаэль был не готов к поездке.

- А кто проводник? – спросил я.

- А тот, с кем мы ездили на Колхозные поляны – Сергей, - ответил Михаил.

- Трос, лебедку, топор взял? - снова спросил я.

- Всё есть, - ответил Михаил.

«Не впервой», - подумал я. Мужики всю жизнь работают в лесу. Зря спросил, может и обидеться.»

Пока грелась машина, я переоделся в теплую одежду, надел сапоги, перекинул в машину Михаила металлоискатель, фотоаппарат, свой рюкзак. Поехали.

По дороге в сторону Атняша завернули на улицу слева, выше центральной, забирать проводника Сергея Васильцова. Пока ехали к нему, поинтересовался у Михаила, что означает слово «кульвараш» и на каком языке? Не марийское ли у него происхождение, так как в этих местах раньше жили, да и сейчас живут, вероятно, марийцы, а в татарском и башкирском языках слова «вараш» нет.

- Не знаю, - ответил Михаил. - Слово «куль» на татарском означает озеро.

- А что это за озеро такое «Вараш» тогда? – спросил я.

- Сейчас позвоню одному знакомому, может он знает, - ответил Михаил и стал набирать номер на мобильном телефоне.

- Вараш, скорее всего, может быть, тайна, - ответили по телефону. - Но точно сказать не могу.

- Вечером еще у одного знакомого спрошу, - сказал Михаил.

«Вараш. Что-то похожее на ворожить» - подумал я. Надо в Интернет заглянуть потом. Поискать.»

Подъехали к дому Сергея, посигналили. Минуты через три вышел Сергей. На нем легкая одежда, что-то вроде длинной утепленной рубашки, тощий рюкзачок. Как будто на пикник. Подумал: «Привыкли мужики к холоду, не то, что я».

Свернули с дороги на Атняш.

- Дальше поедem по логу Яман-Елга, потом свернем на Кишам, - пояснил Сергей.

Заухабил. На неглубоких лужах вода промерзла до дна, и машина не проваливалась. На лужах поглубже машина с треском ломала лед. Несмотря на то, что это был небольшой автомобиль, шел он по ямам и кочкам очень мягко, не то, что мой «Равчик». Михаил и Сергей о чем-то говорили по дороге.

Ехали мы по узкой проторенной бульдозером, отсыпанной грунтом, на местном языке балластом, полоске дороги, которая шла вдоль бывшей Яман-Елгинской узкоколейки, а где и по ее насыпи. Проложена эта узкоколейка была на всем протяжении речки Яман-Елга, и дальше по одноименному логу. От основного полотна железной дороги в некоторых местах отходили линии длиной километров 6-7 или больше, от которых сейчас кое-где оставались еще такие же насыпи.

Лог Яман-Елга в некоторых местах переходил в поляны шириной до километра. Слева и справа от дороги возвышались горы, покрытые лесом, в основном, осиной, березой вперемешку с редкими елями, липой, ильмом. Деревьям местами лет по 20-30, местами по 40-60. Широкие поляны раньше были сенокосами, на некоторых были поселки. На одной из полян по логу Кишам, ближе к Кульварашу в свое время сафоновские пасли скотину, каким-то образом перегоняя её через Юрюзань.

Впереди показалась довольно большая замерзшая лужа. Остановились. Мужики вышли покурить.

- Проедем? – спросил я.

- Проедем! - с уверенностью ответил Михаил.

Сходу не проехали. Пришлось доставать обе лебедки, тросовую рычажную и цепную. Мужики спокойно, без суеты делали своё дело. Здесь и дальше, в тех местах, где приходилось вытаскивать из багажника лебедки, лопату, лезть в грязь под машину, толкать, я ни разу не услышал сетования на то, почему мы едем в Кульвараш. Мужики, наши российские мужики делали свое дело не только не сетуя, а, мне показалось, с каким-то азартом преодолеть очередное препятствие. И потом, по дороге из Кульвараша домой, несмотря на то что из-за удара о лед толщиной 4-5 сантиметров на первой глубокой луже вышел из строя передний привод машины, и поэтому не раз приходилось буксовать, толкать, копать, цеплять, тянуть, Михаил признался, что поездка понравилась. И он не лукавил.

Доехали до Развилки. Здесь раньше был большой поселок. Остановились. Сергей предложил выйти из машины, посмотреть на эти места. Поселок был основан в послевоенное время, были школа, пекарня, клуб, магазин. Работали как вольнонаемные, так и бывшие репрессированные. Теперь на месте поселка ельник, посажены деревья, в том числе и руками Сергея. С какой-то теплотой рассказывал он об этих местах, видимо потому, что сажал эти деревья и сам, начинал здесь трудовую деятельность. Сергей показал, куда уходит лог Яман-Елга, а куда, отделяясь, уходит лог Кишам. Поэтому первопроходцы, долго не думая, и назвали это место Развилка.

Свернули на лог Кишам. Отличием дороги по этому логу является наличие небольших, диаметром 10-15 метров, а где и довольно крупных, по 30-40 метров карстовых воронок. Встречаются большие поляны, заросшие относительно молодыми елками высотой 10-15 метров или березками, или смешанным березово-еловым или березово-осиновым лесом. Иногда встречаются чистые осинники. Чувствуется, что некоторые места заболоченные – встречается осока. Кое-где ели стоят, как будто обгоревшие, практически без коры, с черными ветками и вершинками. То ли был верховой пожар, то ли погибли из-за чего-то. Встречаются и как будто выгоревшие изнутри деревья.

Ближе к Кульварашу все чаще у меня возникал вопрос: «Как голодные, полуодетые, обутые в лапти и даже босые люди летом 1933 года прошли от Кульвараша до Красивой Поляны больше 100 километров?»

Вновь хочу привести воспоминания Халиды Фасхетдиновны о том, как репрессированных переселяли из Кульвараша в Красивую Поляну.

«...Месяц июль 1933 года. «Нас высылают из Кульбараша» – пошли слухи. Куда? Не знаем. В поселок пришли подводы. Обессиленных людей, стариков, детей посадили на телеги. Мы тоже на телеге. Верхом на лошадях, одетые в милицейскую одежду люди нас ведут между горами, по краям глубоких ям, по каким-то долинам».

Бывая там, где раньше располагались указанные выше спецпоселки, можно представить леса 1930-х годов. Сейчас лес, похожий на тайгу тех времен, на мой взгляд, можно встретить по дороге из Аликудры в Сауллу или из Красного Камня в Аликудру. Огромные дубы, на которых бы можно было повесить улья, о которых писала Халида Фасхетдиновна, не встретились мне нигде, в том числе и по дороге в Кульвараш.

Как сказал Сергей Васильцов, мы ехали параллельно бывшей узкоколейной железной дороге, которая тянулась по логу Кишам. Она не стыковалась в свое время с Яман-Елгинской узкоколейкой и не доходила до Кульвараша, примерно, четыре километра.

Несколько раз, попадая в колею, застревали, приходилось выходить, подкладывать под колеса стволы упавших или спиленных кем-то деревьев. Так доехали до второй развилки: одна дорога, менее наезженная, уходила направо, вторая – налево. Двинулись вверх по правой и метров через 200 по просьбе Сергея остановились перед пригорком. Слева была поляна, которая ближе к лесу представляла собой покрытую травой воронку диаметром метров 40-50. Сергею показалось, что свернули не в ту сторону.

- Справа должна быть большая яма, - сказал он. - Пойду, посмотрю, что там впереди. Вспомню.

Сергей пошел по дороге дальше пешком, а мы с Михаилом вышли из машины. Яма, которую искал Сергей, была, но слева от дороги, на которой мы стояли. Михаил присел на корточки, закурил. Глядя на поляну, сказал:

- Вот, построить бы здесь дом и жить. Никого нет. Тишина.

Удивительно, но даже живя в маленьком в сравнении с Уфой поселке Красный Ключ, Михаил мечтал о тишине и покое, удалении от суеты. Видимо суету,

беспокойство нагоняет на нас не только окружающие, транспорт, но и общение с миром через телевизор, телефон, WhatsApp, Telegram, Интернет. Нас донимают банки, навязывающие нам кредиты, разные клиники, операторы мобильной связи, магазины, которым мы передаем номера своих телефонов, различные мошенники. А многие из нас, особенно большая часть людей, как говорят, в возрасте остались еще в прошлом – в СССР, со спокойной размеренной и уверенной в завтрашний день жизнью.

Вернулся Сергей.

- Надо возвращаться, - сказал он.

- Вот она – эта яма, - ответили мы с Михаилом. - Только слева, а не справа. Если бы поехали по другой дороге, она была бы справа.

- Нет, - сказал Сергей. - Эта не та яма. В этой яме один год плавал стог (он назвал фамилию хозяина, которую я не запомнил). Возвращаемся и уходим налево.

Развернулись. Вернувшись до лесного перекрестка, теперь свернули на левую дорогу. Как Сергей, не лесник и не охотник, ориентируется в округе на сорок километров в этих дорогах, ямах, сенокосах, помнит фамилии и имена их бывших хозяев, где, когда и чей стог плавал – осталось для меня загадкой.

Дорога повела в гору.

- Сейчас поднимемся, а дальше должен быть Кульвараш, – сказал Сергей.

Лес в этих местах постарше. «Видимо до него пока не дошла нога или рука человека», - подумал я, как вдруг впереди показалось строение, нечто вроде навеса с тремя стенами. Чуть подалее стоял еще один навес. Остановились.

- Лес валил кто-то – сказал Сергей.

- Вроде бы и печку ставили железную, - согласился Михаил.

А еще дальше лежали хлысты толстых почти сгнивших деревьев. Так и не смогли их вывезти. «Сколько таких хлыстов лежат еще здесь?» - подумал я. Сколько труда вложено было и будет еще? И напрасно загубленных деревьев, пусть к тому времени они и были, наверное, перестойными. Необдуманность, не проработанность проекта или плана рубки, да и само слово проект видно здесь не звучало. А, возможно, хозяин заболел, или еще хуже. Вот поэтому и напрасно можно винить человека.»

До озера, как потом выяснилось, оставалось километр-полтора. Мы были на вершине небольшой горы. Но, к сожалению, дальше была глубокая колея. Встали окончательно. Может быть, это было и правильно, чтобы хоть немного своими ногами пройти по той дороге, по которой шли в 1930-х репрессированные. Вышли из машины, стали переодеваться и переобуваться. Летние кроссовки проводников сменились на кирзачи и резиновые сапоги, которые были в машине, как и верхняя экипировка. Мужики, взяв рюкзаки, а я – металлоискатель, фотоаппарат, саперную лопатку, пошли дальше пешком.

Лес был прозрачным. В основном березы и осины. На некоторых березах можно было увидеть чагу. Встречались упавшие крупные деревья. Было тихо и солнечно. Иногда впереди разлетались рябчики. Медведи, со слов Сергея, еще не залегли в берлоги.

- Шатаются? - спросил я.

- Нет, - ответил Сергей. - Не до нас. Они сейчас собирают мох, траву сухую в берлогу.

Страх встретиться с косолапым не было несмотря на то, что по дороге до Развилки мы видели и следы волка, и следы медведя. Тем не менее я всё же оглаживался по сторонам, но скорее из любопытства, чем от страха.

Дорога пошла вниз. Стали встречаться «следы» человека - мятые пластиковые бутылки, остатки какой-то пленки. Такие же «следы» встречались мне и по заросшей травой, почти заброшенной дороге в Гоголевские Пруды. Везде пластик!

Минут через 15 впереди завиднелись верхушки деревьев на вершине следующей горы. «Скоро» – подумал я. - Впереди должен быть либо лог, либо само озеро».

Так и оказалось. Справа открылась поляна с довольно высокими кустами или молодыми деревцами. Дальше, впереди по лесному коридору показались верхушки деревьев по берегам озера, а вслед за ними и сам замерзший Кульвараш, покрытый голубовато-зеленоватым льдом.

Кто-то на расстоянии около пятидесяти метров от берега соорудил небольшой стол, можно сказать высокую скамейку из нешироких досок. Они уже почернели. Вероятно, стол стоял не первый год.

Сняли рюкзаки. Мужики пошли фотографировать на телефон озеро, а я стал вытаскивать из сумки фотоаппарат.

В Интернет есть несколько сайтов с рассказами туристов о каких-то видениях на озере. Некоторые рассказы очень подробные и жутковатые. Например, как всю ночь отгоняли души умерших ударами металлических предметов. Со слов Михаила, писали и о том, что видели какие-то светящиеся шары в озере. Другие же путешественники ничего сверхъестественного на озере не наблюдали.

По пути на озеро Михаил рассказал, как с одноклассниками он ходил в поход на Кульвараш, как ночевали на берегу, купались в озере, но ничего сверхъестественного, о чем пишут в Интернет, никто из одноклассников не видел. Озеро как озеро. Лес как лес. Ничего необычного.

Я спустился к озеру на расстояние, примерно, 20 метров от берега. Михаил стоял рядом, справа от меня метра на два-три. Вокруг осенняя тишина...

И вдруг правее нас метров за 100-200 по логу ниже озера послышались веселые женские голоса. Голоса неразборчивые: то ли легкий веселый смех, то ли веселый разговор. Секунды две-три, и пропали. Страх у меня не появился. «Почудилось» - подумал я, и еще не успел поразмыслить, что это было, как Михаил повернулся ко мне и спросил:

- Вы ничего не слышали?

- Слышал, – ответил я. - Кажется, женские голоса.

- А мне послышался лай собак. Как будто собаки лаяли. Может охотники ходят?

- А тебе ничего не послышалось? - спросили мы Сергея, который подошел к нам минут через пять.

- Нет. Это вам что-то послышалось, а мне ничего. Нет тут никого, - ответил Сергей.

Почудилось, послышалось или нет? Было ли это явью? Пусть эти вопросы останутся без ответа.

Поверил ли я после этого в мистику Кульвараша? До сих пор не могу однозначно ответить на этот вопрос.

А теперь о самом спецпоселке Кульвараш. Вот что писал Николай Степанович Чухарев по рассказам репрессированного Кирилла Ивановича Зотова (Н.С. Чухарев. Деревня и её люди. Очерки. Рассказы. Зарисовки. Воспоминания. Трапезниковка-Сафоновка-Ярославка. 1956-2006. Мини-типография «Макар Горбатов». ИП Степанов К.Д. г. Братск, Иркутская область. С.185-189).

«В пятнадцати километрах от Сафоновки на вершине Мертвого Лога на горе есть озеро Кульвараш - мертвое озеро. Там был спецпоселок, строили его ссыльные люди так называемые раскулаченные. К этой категории тогдашние власти относили наиболее трудолюбивых, зажиточных крестьян. ... К озеру пригнали около 300 мужчин. Летом жили в палатках прямо под густыми елями под охраной конвоиров. К зиме готовили землянки, а для комендатуры и охраны строили бараки.

На следующее лето в поселок пригнали семьи ссыльных вновь раскулаченных, также с семьями. Было уже человек 600, многие жили по-прежнему в землянках и палатках.

Поселок строили в густом хвойном лесу, деревья срубали, строили дома, сараи. Пни выкорчевывали при помощи веревок воротом, в виде лебедки. Землю выравнивали, распахивали под огороды, посевы, покосы. За три года было построено около 40 жилых домов, больница, клуб, пекарня двухэтажная средняя школа. Когда поселок стал разрушаться, строения развезли в Урмантау, Калмаш. В Сафоновке стоит сейчас конный двор.

... Страшное лето 1931 года, голод и слезы. Семьи репрессированных (из *Мелеузовского района*) на телегах повезли до Красноусольска, там сгрузили в трюм парохода. Рекой до Красного Ключа, потом по лесным дорогам через Кудаш, Трапезниковку, Сафоновку в лес, в тайгу. В дороге на телегах везли только узелки с вещами и больных детей, остальные пешком - под охраной.

В Кульвараше в то время построено несколько барачков, больница, строился скотный двор-ферма, и уже было около 20 коров. В больнице работал врачом тоже из ссыльных - Верзаков, очень справедливый человек. Каждого как мог, старался защитить и поддержать. Коменданта он почему-то не боялся, и тот ему иногда шел на уступки.

... Спецпоселок был прикреплен к Юрюзаньскому леспромхозу. Основная работа для ссыльных - заготовка и вывозка леса по логу. Была проложена так называемая дорога - лежневка, колея для колес, сложенная деревянным брусом километров 14.

... Земля за спецпереселенцами выделена и закреплена около Михайловки. Там пахали, сеяли, убирали хлеб. Зерно возили на конях в Сулею, также на мельницу в Кошлевку или Сафоновку. Пекарня была и в Кульвараше.

Около поселка бурили скважины вручную до 30 метров. Бур был деревянный с железным наконечником, который ковали тут же в кузнице. Хорошей воды на этой глубине не было. Поэтому, были вынуждены пить сомнительную воду из озера. При бурении скважин всегда присутствовали люди из геологоразведки, они отбирали пробы грунта, паковали в ящики, везли с собой на станцию Сулея.

Около поселка вырубали лес, расчищали землю и распахивали. Выращенных картошки, свеклы, репы все равно не доставало. Да еще вода в озере как выяснилось позднее, содержит вещества, вредные для здоровья. Люди стали умирать.

Некоторые решались спастись бегством, да мало кто остался живым, многие умирали в лесу где-нибудь под деревом или прямо на дороге.

... Остальных человек 150 повезли по логу Кишам и Яман-Елге до устья, остановились в километрах пятнадцати от Красного Ключа...».

Есть в этом рассказе Кирилла Ивановича и правда, то есть точные сведения, есть и те, которые заставляют сомневаться. Такой вывод можно сделать из воспоминаний Халиды Фасхетдиновны, а также зная расположение указанных Чухаревым (со слов, вероятно, Кирилла Ивановича) поселков.

Сафоновка находится в километрах пятнадцати от Кульвараша, по правую сторону Юрюзани, а поселки Нижний Кудаш, Верхний Кудаш, Чишмы Кудаш, Татарский Кудаш расположены по левую сторону Юрюзани. Вести репрессированных из Кульвараша в Красивую Поляну через Верхний Кудаш, а затем Нижний Кудаш могли, но в Кульвараш – вряд ли.

Прошло довольно много лет после переселения кульварашцев, о котором вспоминал Зотов. Возможно, не всё сохранилось в памяти. И не вина в этом рассказчика: слишком много разных лишений испытали на себе кульварашцы, много

дорог и селений прошли пешком, проехали на подводах под конвоем, который должен был быть немногословным.

Воспоминания К.И. Зотова совпадают с рассказом Халиды Фасхетдиновны. «1931 год. Снова наступило лето. Так, без отца прошел год». Сопоставляя эти данные приходим к однозначному выводу, что Кульвараш был основан спецпереселенцами летом 1930 года.

Далее она рассказывает о том, как раскулачили семью в Учалинском районе, как собирались в дорогу, как плыли в трюме парохода по Уфимке, как хоронили на пристани в Красной горке Шакир-бабая, на груди которого она грелась по дороге, как закрыли её вместе с остальными учалинцами в трюме парохода за решетчатой дверью на замок точно так же, как и в фильме «Зулейха открывает глаза». Значит, действительно, и такое было! А я не поверил сценарию фильма. «Не мог разумный человек запереть людей в барже, плывущей по воде» - думал я. - Куда деться репрессированным с баржи: кругом вода, а по берегам тайга! Только на погибель можно прыгнуть в воду». Ан, нет! И такое оказывается было! Слава Богу, пароход с репрессированными кульварашцами не потонул, как баржа в фильме.

Затем она описывает жизнь в Кульвараше.

«...После, как я узнала: мы на пароходе по реке Уфимке, Караидели доплыли до одной пристани Дуванского района, туда на лошадях наши отцы приехали встречать нас.

... Кульбараш располагался на поляне, на которой лес был спилен, оставались лишь пни. А вокруг только дремучий лес. **Три стороны поселка окружены глубокими ямами.** В этих ямах летом и зимой стоит презеленая вода. Деревья выросли, свалились, превратили (*ямы*) в большое озеро, так я понимала. Подходя к его краю, мы смотрели на этот ад. Деревья внизу смотрелись, как будто росшие в этом очень глубоком аду. Берега были очень крутыми. Все лето по поселку гремело лягушачье кваканье. А вонь, которая шла с озера, была ни с чем несравнимой. Вонючее! С ранней весны до осени крупные комары как облака затмевали свет в поселке. Зимой все время над трясинной стоял туман. В некоторых местах этой трясинны вытекла вода. Оттуда брали воду пить, в столовую, в детский сад. Сколько ее ни процеживай, она была желтой-желтой, вонючей, с мелкими насекомыми, блошками. Не зная, что делать, люди зимой растапливали снег и пили.

Окруженный с трех сторон озером поселок охраняли коменданты. Со слов отца: некоторые, бедные, (*спецпереселенцы*), задумав сбежать, гибли, утопая в этой трясине. Оттуда никто живым не смог выйти, трясина всасывала в себя. Прожив три года в Кульбараше, я это хорошо помню.

На одном краю поселка, где не было озера, стояла двухэтажная деревянная комендатура. На первом этаже была контора, а на втором этаже, если с улицы подняться по лестнице, была закрытая железной решеткой тюрьма. Рядом с тюрьмой очень высокая каланча. Охранники с нее наблюдали за поселком. Комендантами были Журавлев и Осинцев. По-моему, все люди в поселке их знали, но дети почему-то боялись. Рядом с домом, в котором они жили, был колодец из деревянного сруба. Брали ли из него люди воду – не помню.

Отцы все бараки в поселке построили четырехквартирными. Вместо фундамента – остатки пней. Заваленки засыпаны черной землей. В нашей квартире было два больших окна, была печь, чтобы выпекать хлеб. Только в этой печке хлеб никогда не пекли – муки не было. Но печка была большая. Мы вчетвером зимой спали на ней. Отец где-то нашел и принес железную печку-буржуйку. Я с братом летом сидела на улице, или дома на деревянной лавке: как никак по полу, вползая в одну дыру и выползая из другой, извиваясь и сворачиваясь, скользили большие черные змеи. Отец научил не бояться их...

... Наш барак стоял внизу возле оврага. Напротив нас в бараке был детский сад. В нем воспитателем работала тетя Люда (она была из деревни Кирыбинка).

... Там (в поселке) люди жили очень дружно, как родные, не бросали друг друга. Наверное, делили поровну и радость, и горе.

... В поселке была большая столовая, общая баня.

... Я не знаю, были ли в поселке магазин, медпункт, школа. А вот фельдшер по фамилии Верзаков приходил к нам домой меня лечить, в детский сад смотреть детей. Так как все женщины, которые были в поселке, валили лес, был детский сад.

... До прихода семей наши отцы целый год жили в бараках, питались в столовой. Когда пришли семьи, столовая для всего поселка начала два раза в день готовить суп из макарон и понемногу раздавать.

... Зимой они (родители) приносили из лесу сухие деревья – дрова. Их распиливали дома, выносили на улицу и кололи, потом снова несут домой. А я не могу им помочь: нечего ни надеть на себя, ни обуть на ноги. Когда они были на работе, я босиком, в платье, выходя на улицу, видела зиму и заходила...».

Далее Халида Фасхетдиновна описывает жизнь семьи в Кульвараше, случаи бегства людей, издевательства надзирателей. Так, одна из женщин, оставив сына в детском саду, сбежала, но ее поймали. Для того чтобы взять деньги, спрятанные в косы, отрубили ей волосы топором, положив голову на пень. После этого женщина сошла с ума, бродила по лесу, потом ее тело нашли в лесу.

Из четырех семей в бараке, в котором жили Нажметдиновы, осталась только их семья, остальные умерли.

Описывает она, как заболела лунатизмом, как ее лечил Верзаков. Вот еще ее воспоминания.

«Однажды ночью, в яме недалеко от нас, увидела мерцание каких-то звезд: они, то очень ярко загораются, то лежат, чуть блестя, затем снова ярко горят.

- Это упавшие с неба звезды, - подумала я, зашла и разбудила отца. А звезды все еще горели, воспламеняясь разными цветами. Отец, подняв меня, занес домой и уложил спать, сам тоже спать лег. Я не спала. Утром он, взяв в руки лопату, рогожку пошел к той яме. Это были человеческие кости. Отец закопал их и вернулся. За то, что человеческие кости предал земле, он много милости от Бога получил, наверное, подумала я.

... Наступила зима, холод, голод. Зажечь лампу нет керосина. Вечерами пользуются светом от лучины. Затопив печь, от ее света штопают одежду. Чинят развалившиеся лапти. Сушат одежду короткой ночью, чтобы встать в жгучую темень и пойти на работу, стараются отогреть ноги, мерзшие в течение всего дня.

В Кульбараше не было соли. В памяти слова отца: отсутствие соли - хуже голода.

Люди с осени начали умирать с голода. А мы, видимо, были счастливыми ... по сравнению с другими. Можно сказать, что каждый месяц, нам из Ильтабана (деревня в Учалинском районе, родина Халиды Фасхетдиновны) приходила посылка от деда. В ней соль, крупа, чай, корот, сахар, пастила, шерстяные носки, варежки присылали.

... Услышав, что нам пришла посылка, у нас собирались обессиленные, чуть стоявшие на ногах бабушки, дети. Мама в уголок платка бабушкам одну щепотку соли кладет, они тут же начинали ее лизать. Детей тоже не обделяла, что-нибудь давала. «Их благодарность пусть хранит жизнь моих детей», - говорила».

По моему мнению, далее в воспоминаниях Халида Фасхетдиновна приводит самую важную и точную информацию о Кульвараше, муссируемую в сети Интернет – о том, как хоронили умерших.

«По моему разумению, в Кульвараше кладбища не было, так как мертвых заворачивали в рогожку, или во что-нибудь еще. Скатывали с крутого оврага очень далеко в глубокую яму. Это я видела. А внизу – та вонючая, жидкая грязь».

Итак, тела умерших в Кульвараше (вероятно, в первый год поселения) не хоронили как обычно, а сбрасывали в глубокий овраг. Слова о том, что тела топили в проруби, не приводят ни Н.С. Чухарев, ни Х.Ф. Нажметдинова.

Трудно согласиться с предположением, что люди, бравшие из озера воду для различных нужд, в том числе и для питья, могли в этом же озере топить трупы. Отчего люди стали массово умирать и где могут лежать останки людей - мои предположения в конце рассказа.

Рассказ Х.Ф. Нажметдиновой далее.

«Ежедневно в поселке с голода, от болезни, замерзая в лесу, дома, на улице умирали люди.

... Мы, дети, ходили и смотрели в окна бараков, которые были заколочены поперек досками. Люди там лежали в одежде. Хоронить этих мертвецов у людей не было ни здоровья, ни сил.

... Какими только болезнями не болели люди, и от каких только болезней не умирали: трахома, дизентерия, лихорадка, чахотка, каждый ребенок был рахитиком. Вдобавок пришел тиф.

... 1932 год. К весне очень много семей полностью вымерло. Увеличилось количество бараков с дверьми-окнами, заколоченными досками поперек.

... Пусть не было лекарства лечить тиф, не было досыта еды, мы смогли победить такую страшную болезнь. Жить на белом свете - такое сильное, большое стремление видимо было. Скоро снова начали ходить в детский сад. Утром после завтрака нас выводят на улицу. Кто может ходить - выходит сам, а кто не может ходить, выносят нянечки. Как сейчас перед глазами: дети, как гусята, начинают есть траву. Мы очень много трав, цветов ели, только сторонились таких, как полынь и крапива.

... Недалеко от комендатуры в двух бараках был приют. У некоторых детей (*приюта*) родители умерли, а у некоторых, бросивши, бежали».

Затем она рассказывает, как весной 1933 года обессиленных больных детей из приюта собрались куда-то увозить. Её отец принимал участие в их отправке на санях, на которые сажали по 8-10 детей. Через несколько дней отец ее вернулся, весь измученный, похудевший, почерневший, долго не разговаривал с семьей. Потом рассказал о том, что многие дети умерли по дороге в течение двух дней. Их всех собрали и похоронили. Оставшихся посадили на сани и повезли дальше, а он вернулся. У Кадыра, свояка ее отца, умерло 7 детей, у брата отца – Валиахмета, умерли 5 детей. *(Со слов Муниры Габбасовны Калимуллиной (Яхиной) у ее родителей умерло четверо детей).*

Итак, со слов очевидцев, Кульвараш был основан в 1930 году. Есть и официальные данные об этом. Так, на сайте lists.memo.ru указаны три семьи: Максимовы (Трофим, Елизавета Трофимовна, Мария Дмитриевна из Бижбулякского района, Михайловка); Мужавилов Фахретдин (Учалинский район, Мало-Муйнак); Чернов Григорий Васильевич (Бижбулякский район, Михайловка), членам которых по данным МВД Республики Башкирия еще в 1930 году был вынесен приговор о выселении в Кульвараш.

Три факта установлены.

- 1) Кульвараш был организован в 1930 году.
- 2) Тела умерших не топили в озере, а завернув в рогожки, вероятно, из лыка, скатывали в глубокую яму возле поселка.
- 3) Часть людей при попытке побега гибла в болоте, из которого весной вода могла стекать в озеро.

Теперь продолжаю свой рассказ.

Мы поднялись к столу-скамейке. Каждый достал нехитрый обед. Разлили из термоса горячую воду в чашки, окунули «вездесущие» пакетики чая. Поели, угощая

друг друга, попили чай, посудачили. Сергей рассказал, что приходили на озеро какие-то сектанты. Кто-то из них раньше видел на озере какие-то светящиеся шары. Вот и собрались здесь эти люди, то ли молиться, то ли еще по какой-то причине.

Я рассказал, что одна из репрессированных женщин (*Х.Ф. Нажметдинова*), которая была здесь в детстве, описала эту местность, жизнь спецпереселенцев, о том, что часть кульварашцев перевели в Красивую Поляну.

Сергей вспомнил фильм Гузель Яхиной «Зулейха открывает глаза». Я рассказал моим проводникам случай с Халидой Фасхетдиновной, точь-в-точь совпадающий с сюжетом фильма, где людей запирают в трюме баржи, и потом они тонут.

Перекусили, положили остатки еды в рюкзаки. Я достал фотоаппарат, пошел фотографировать озеро.

- Пойду, поищу место колодца, - сказал Сергей. - Я помню, когда здесь бывал, стоял еще колодец с журавлем. Мать рассказывала, как она в молодости через эти места в Сафоновку ходила.

«Вот еще одно доказательство того, что люди пили из колодца» - подумал я.

Мы с Михаилом стали подниматься в сторону дороги, по которой пришли. Оба обратили внимание на кучно растущие елки справа на небольшом холмике почти прямоугольной формы, размером, примерно, три на четыре метра. Стало понятно, что здесь была какая-то постройка. Включил металлоискатель и стал водить по краю холмика. Запищало.

- Михаил, нашел! – радостно сказал я.

Михаил стал копать. На глубине сантиметров десять вышел ржавый гвоздь-сотка.

- Не то, - сказал я Михаилу. - За 90 лет такой слой вряд ли бы образовался. В Красивой Поляне на месте детдома я железку откопал глубже, сантиметров на 30-40. Это видно кто-то здесь что-то соорудил уже после Кульвараша. Михаил не согласился: «Наверное, все-таки от них остался.»

Закопали гвоздь обратно. Все находки я всегда оставляю в том месте, где нашел. Зачем беспокоить души тех, кто в таких местах когда-то жил или умер?

Пошли дальше к поляне, которая виднелась впереди. Опять взгляд упал на такую же группу деревьев, как на холмике. Подошли ближе. Перед нами была заросшая травой неглубокая, сантиметров 40-50 глубиной яма, примерно такого же размера как холмик – три на четыре метра. По краям кучно росли деревья. Михаил спустился вниз.

- Вот, бревно было, - сказал он.

Я тоже спрыгнул в яму. Михаил стал подкапывать бревно. Показался потемневший, почти черный кусок еще одного.

- Что-то было, - сказал я. - Наверное, это что-то от стены осталось.

- Смотрите, - ответил Михаил. - Паза-то нет. Это не стена была.

Действительно, в бревнах пазы не выбирали.

Поднялись из ямы. Пошли в сторону видневшейся впереди поляны. То тут, то там встречались небольшие ямы, заросшие травой. По пути встретились еще две подобные той, в которой нашли куски бревен.

Бараки и другие постройки в Кульвараше ставили на вкопанные короткие столбы и делали заваленки из земли. Поэтому увидеть остатки привычного фундамента из камней здесь, вероятно, нельзя.

Вышли с Михаилом на большую поляну. Дорога, по которой мы пришли на Кульвараш, была справа. Возможно, на этой поляне тоже стояли бараки. Но ям, подобных тем, что мы нашли вблизи озера, не было: либо поникшая от мороза и снега трава закрыла их, либо затянуло временем.

Стали возвращаться к озеру. Опять втроем собрались у стола-скамейки. Поинтересовался у Сергея о том, что он увидел.

- Ничего особенного не нашел, - ответил он. - Пойду в ту сторону. Он указал в сторону послеобеденного солнца.

Меня не отпускало описание Кульвараша Халидой Фасхетдиновной: «...**С трех сторон окружало вонючее болото**». «Уж не путает ли она Красивую Поляну с Кульваршем? Ведь Красивую Поляну тоже с трех сторон окружает вода, правда, река» - подумал я. Но тут же привел себе противоречивый довод: «Бараки-то в Красивой не на горе стояли, а были внизу по берегу реки».

Неспеша стал спускаться к озеру. Повернул налево, на юго-запад. На противоположном берегу увидел чуть заметный символический памятный крест.

Лето в этом году было сухим и жарким. Осень тоже не баловала дождями. Потом в конце октября пошли морозы без снега. Глубина озера уменьшилась, примерно, на три метра и часть дна оголилась. Об этом можно было судить по характерным затонувшим мелким плоским щепкам на открывшемся дне, по растрескавшемуся местами илу. Встречались гладкие топляки - затонувшие бревна диаметром 10-15 сантиметров, как длинные цилиндры, как будто специально обработанные.

Идти было легко несмотря на то, что под ногами был ил – он замерз. Мороз здесь был тоже, наверное, градусов 14, так как места еще севернее, чем Сарва. Берег стал подниматься все круче и круче, высота, примерно, метров 8-10. Впереди по левому берегу показалась глубокая яма, на дне которой лежали свалившиеся деревья. «Уж не эта ли яма, куда скатывали умерших» - подумал я. И опять себе возразил: «Невозможно представить, чтобы метров на 5-10 от озера скатывали трупы. Видно, не здесь».

Пошел дальше по закруглению берега. Впереди показалась коса из гальки и небольших камней. Она вдавалась в озеро длинным языком. Обошел язык косы, за которой был то ли овражек небольшой, то ли болото, на котором летом росла осока, где-то кучками, как кочки на болоте, где-то сплошным ковром.

Вышел дальше к месту, на которое, когда пришли на Кульвараш, указал Михаил. Это был берег, противоположный тому, на котором стоял стол-скамейка. В лес уходила небольшая ложбинка, покрытая камнями. Со слов Михаила, раньше из этой ложбинки вытекал один из родников, питавших озеро, а второй вытекал из места, которое мне показалось болотцем.

Я обернулся в сторону языка. «Вот оно – это место! - воскликнул про себя. - Как же я его не заметил!» Все совпадало с воспоминаниями Халиды Фасхетдиновны.

Прямо передо мной возвышалась небольшая гора, вернее горка, высотой метров 8-10, от которой в озеро вдавался тот самый язык. Слева эту горку огибало озеро, вдаваясь в лес метров на 20. Дальше была та самая первая яма, которая мне встретилась по берегу.

Справа от этой горки вглубь леса уходила ложбина. Теперь стало понятно, что это была одна из сторон того вонючего болота, о котором рассказывала Халида Фасхетдиновна. Тянулась эта относительно широкая ложбина с болотом далеко в лес. Забегая вперед, скажу, что теперь жалею, что не пошел по этой ложбине вглубь леса.

Стал быстро возвращаться по берегу, можно сказать, по открывшемуся дну озера. И тут я поблагодарил Всевышнего за помощь: пришли бы летом - не смог бы пройти по оголившемуся дну озера так близко к кромке воды. Не было бы мороза – не смог бы пройти по этому болоту даже в сапогах.

Стал переходить через заросший осокой участок болота. Благо, заморозило так, что под ногами ил даже не колыхнулся. И вдруг, осенило! Возможно, я иду по костям тех несчастных, которые хотели сбежать, тех, кого скатывали, завернувши в

лыковые рогожки. «Простите меня» - в голос сказал я. - Не с плохими мыслями пришел я к вам сюда, а с добрыми намерениями оставить о вас память. Если можете – простите!» Надеюсь, что души их услышали меня, надеюсь, что простили.

Стал взбираться на горку, заросшую довольно высокими, толстыми деревьями. Следов построек не заметил. И вновь осенило! Маленькой, пяти-шестилетней девочке конечно же эта горка могла показаться более высоким местом, почти горой, с которой она смотрела на тот «ад» внизу. С другой стороны, прошло 90 лет. Даже если по сантиметру в год копилось листвы, сучьев, земли, которая собиралась с талой водой по весне с возвышенности, то болото заиливалось, береговая часть языка косы постепенно повышалась. Теперь та гора, которая, может быть, раньше и действительно была выше, стала невысокой относительно языка косы и берега Кульвараша, так как и коса, и берег, и болото постепенно в этом месте покрывались илом.

Сделав несколько снимков, я вновь перешел через замерзшее болото, вновь попросил прощения у ушедших.

Перешел вторую ложбинку, по которой раньше стекал родник. Стал подниматься по крутому оврагу высотой метров пять. Опять взглянул на пригорок. Сомнений не осталось. Да! С трех сторон пригорок окружала вода, возможно, в то время нечто похожее на болото, так как деревья вокруг вырубали, и уровень воды мог понизиться.

Впереди по берегу показалась небольшая воронка, заполненная замерзшей водой. Пройдя дальше, увидел символический памятник-крест кульварашцам.

Наконец, полностью обойдя озеро по частично оголившемуся дну, подошел к Михаилу, который все время, пока я огибал озеро, сидел на корточках у кромки льда.

- Я тут светящиеся шары увидел, - сказал Михаил.

«Ну, начинается» - подумал я про себя.

Михаил, глядя в мою сторону, улыбнулся.

- Сижу я у берега. Смотрю. Вдруг там, (он показал в сторону солнца, которое уже начало садиться за макушки деревьев), подо льдом шар светится. Начал рассматривать – пакет оказался. Вмерз в лед. Солнце светит, и он, кажется, тоже светит.

«Ну вот, никакой мистики» - подумал я, а Михаилу ответил:

- Да! Писали в Интернет про такие шары, будто из воды выплывали. А на самом деле может вот такой мусор и видели.

Подошел Сергей: «Дядя Рамиль! Я там следы нашел, то ли большой дом, то ли барак. Пойдем, посмотрим», - предложил он.

Мы поднялись к столу-скамейке и свернули направо, в густой ельник вперемешку с осинами и березками. Ближе к берегу четко виднелся ряд соединенных между собой прямоугольных ям. Их было три или четыре, длиной метров 6-8 каждая. Между ямами и по их краям было нечто вроде заваленки.

- Смотрите, - обратился к нам Сергей. - Они между собой соединялись какой-то дверью или проходом.

Действительно, перегородка между ямами в середине прерывалась, примерно, на ширину обычной двери. Это явно были следы творения рук человека.

Мы обошли эти ямы, за которыми метров через 20-30 начинался обрыв в сторону озера. Спустились в последнюю яму.

- Давайте, поищем, - предложил Михаил.

Я включил металлоискатель, стал водить по дну ямы. Запищало.

- Что-то есть, - сказал я. - Ну-ка, Михаил, копни здесь, пожалуйста.

Михаил начал копать на месте появления сигнала от металлоискателя.

- А я и так вижу, что здесь есть, - сказал Сергей, и указал на место за нашими спинами под одним из деревьев, росших на дне ямы.

Мы с Михаилом обернулись. К стволу дерева на земле был прислонен кусок ржавого топора.

- Вряд ли это от них осталось, - сказал я. - Прямо на земле лежит. Обычно такие вещи сантиметров на 30 глубже бывают.

Михаил продолжал копать, а я начал водить металлоискатель вдоль заваленки. Раздавался сплошной писк.

- Здесь везде пищит, - сказал Михаил.

Через несколько минут он вытащил из земли обломок топора. Потом еще, и еще. Сергей немного очистил куски топоров от земли и двумя из них стукнул друг об дружку. Раздался звон, очень похожий на колокольный. Так звенят только старые советские топоры.

- Это точно, их топоры, - сказал я. - Старые топоры так звенят. Да вот еще и для пальца специальный упор на таких топорах был. Сейчас такие не делают.

- Да, - согласился Сергей. - А металл, действительно, хороший, местами откалывался, а не плющился как у нынешних инструментов.

- А вот это был калун, - сказал Сергей, беря из рук Михаила очередной ржавый кусок металла.

- Так они бревна напополам раскалывали, - сказал я. - Пилорамы-то не было у них. Да и на доски могли так же раскалывать калуном или топором.

- Видно по ним били, когда бревна раскалывали, - согласился Сергей. - Вот они и ломались напополам.

- Склад здесь был какой-то, - сказал Михаил.

- Скорее всего, так и было, - согласился Сергей.

- Им же нужно было показать, что инструмент сломался, а не украли или пропал. Вот они и приносили его, а потом складывали в одном месте, - продолжил кто-то из мужиков.

Я согласился с их предположением.

Выкопав около десятка обломков, решили больше не продолжать.

- Время к вечеру, - сказал я. - Давай, мужики, собираемся. Надо засветло из леса выехать.

Мои проводники согласились. Мы отряхнули одежду, поднялись из ямы. До этого я сделал несколько фото найденных артефактов. Артефакты я не собираю, не беру с собой найденное в раскопках, а кладу их обратно в землю. Не суеверный, но как-то мне не по душе брать такие вещи. Зачем тревожить то, к чему человек когда-то приложил свою душу?

Положил фотоаппарат в сумку, выключил металлоискатель, надел рюкзак. Неспешно пошли обратно к машине. Каждый думал о чем-то своем.

Машина в целостности и сохранности стояла на месте. Мужики переоделись, забросили свои вещи в багажник, а я свое нехитрое оборудование – в кабину. Михаил завел машину. В кабине было тепло, машина не успела еще сильно остыть. Хоть и китайский это был джип, но очень теплый, с высокой проходимостью даже без переднего привода. Да и водитель Михаил был опытным. Не одну сотню километров бездорожья проехал на нем. Не только по ровной дороге, но и по горам, как, например, по той, которая поднимается из Октябрьска на Колхозные поляны.

Развернулись. Теперь уже ехали под гору. Проехали лесной перекресток, где мы свернули направо, вместо того, чтобы уйти налево. Опять до лога Яман-Елга встречались карстовые воронки, заросшие кустарником, молодыми деревцами или только травой. Снова проехали место горелого леса. Незаметно позади осталась Развилка, и вот уже впереди показалась гора над дорогой из Первомайска в Атяш.

- Семнадцать десять, - сказал я Михаилу.

- А что – это плохо? - спросил он.

- Нет, на час раньше запланированного времени, - ответил я.

Минут двадцать шестого были уже в Первомайске. Вначале высадили Сергея. Я поблагодарил его, попрощался.

- Не за что, - ответил он. - Обращайтесь! Можем на Золотое озеро еще сходить.

- Это то место, где купец Каримов золото свое закопал? - спросил я. - Поэтому и назвали «золотое»?

- Нет, - ответил Сергей. - Это неправда. Он там жил. Со своими рабочими посадил деревья, кусты. А потом они разбежались.

- Хорошо, - ответил я. - Сходим.

Подъехали к дому Михаилу. Пока я переносил вещи в свою машину, неизвестно откуда появился его односельчанин. Поинтересовался, куда мы ездим, что видели. Михаил закурил, стал рассказывать о дороге, посетовал на поломку передка. Вот так моментально и разлетаются новости по поселку, все подробности «до копейки».

Оба заглянули под передний бампер.

- Да, опять придется налаживать, - сказал Михаил. - Но ничего, наладим.

Я подошел к ним, поблагодарил Михаила, попрощался.

- Если нужна будет помощь – обращайтесь! Съездим с Вами еще куда-нибудь, - на прощанье сказал он.

Я сел в свою машину, выехал на дорогу, развернулся. На прощанье, проезжая, посигналил. Мужики махнули руками в ответ.

Выехав из Первомайска, остановился, поблагодарил Всевышнего: «Рахмат, Аллакаем! Спасибо тебе, Господи!»

Впереди был первый подъем по дороге на Сарву. Желание, с которым жил почти два года, сбылось!

Далее материалы из книги: Хайруллин Рам. М. Красивая Поляна: 1931-1941. Уфа: Башкирский ГАУ, 2023. 680 с.

О возможном «кладбище» Кульвараша

Со слов очевидицы, Халиды Фасхетдиновны, умерших заворачивали в рогожки и скатывали в яму. Кладбища, такого, каким мы привыкли видеть подобные места, не было. В сети Интернет распространены слухи (пока можно сказать об этой информации так), что тела умерших топили в проруби, т.е. не хоронили, а принимала их вода (в каком-то виде – то ли озеро, то ли болото). Вероятно, этот слух относительно погребения (если так это можно назвать) в воду – не фантазия.

Со стороны памятного креста на берегу озера вниз уходит лог. Дальше, со слов проводника Сергея, было еще одно озеро, т.е. ниже по течению родников. За 90 лет этот лог могло затянуть илом, опадом листвы, упавшими деревьями. А раньше это мог быть глубокий овраг, размываемый весной талыми водами.

Трудно предположить, что тела сбрасывали на стороне озера, откуда вытекает родник. Люди из озера брали воду, поили скотину, вероятно, стирали вещи.

Могли сбрасывать умерших в описанное мною болото с правого от «языка» (если стоять лицом к озеру) берега, если только людей действительно не привели на погибель и это не заставляла делать комендатура. Но и это не соответствует логике – требовался лес, который вывозили, вероятно, на Юрюзань и дальше сплавляли по Уфимке. Чем больше людей – больше леса. Из этих предположений следует, что умерших могли сбрасывать на северо-восток от озера в яму (в то время, возможно, второе небольшое озеро или болото) справа от символьного креста, дальше по логу, если стоять лицом к этому знаку. К сожалению, туда мы не пошли во время этой экспедиции. Данную версию можно проверить, обследовав лог справа от символьного креста.

О причине «закрытия» Кульвараша

Некоторые факты и один свидетель рассказов самих спецпереселенцев (Земфира Халяфовна Яхина) заставляют верить в то, что среди других причин источником бед и гибели людей на Кульвараше стала вода из озера.

1) Н.С. Чухарев пишет о том, что геологи бурили скважины метров на 30 и пробы грунта увозили в Сулею. Вопрос – с какой целью? Если искать воду – почему необходимо брать пробы грунта и увозить на анализ? Предположение первое: могло быть что-то в воде, что по мере ее употребления вызывало гибель людей. Возражение – а ведь Зотовы, Яхины и другие бывшие кульварашцы прожили довольно долго (более 70 лет). Вода могла быть отравлена, но не минеральным содержанием.

2) З.Х. Яхина вспоминала рассказы родителей и других красивополянцев о том, что из озера пили и скотина, и люди. В народе считается, что из реки можно пить, если выше этого места не ходит скотина. Из этого факта вытекает предположение второе: в воду могли попасть фекалии животных, возможно, и возбудители инфекций, которые и стали источником болезней людей. В поселке была баня, которая должна располагаться близко к водоему, чтобы брать из него воду. Можно предположить, что в озеро могли попасть и стоки из бани.

3) Предположение третье, и, на мой взгляд, наиболее правдоподобное. Болото с западной стороны озера, вероятно, уходило довольно далеко в лес. Люди могли бежать из охраняемого спецпоселка только весной или летом, когда в лесу можно было найти пропитание в виде разных трав. По центру перед озером и на юго-запад от него были бараки. Влево от озера, на северо-запад, были Уфимка и пристань Усть-Юрюзань, откуда можно было дальше попасть в Уфу. Бежать на пристань через Сафоновку было бы далеко. По этой дороге беглецов могли поймать, так как она соединяла Кульвараш с внешним миром. Некоторые из несчастных, как

вспоминает Халида Фасхетдиновна, тонули в болоте. Вода, стекающая сверху и далее по болоту в озеро, могла приносить с собой и останки разлагающихся тел. Это, вероятно, могло стать причиной болезней и гибели кульварашцев. Кто пил только из колодца или растапливал снег зимой – могли выжить, кто пил из озера или случайно глотал воду – имели высокий шанс заболеть. Таким образом, версия инфекции, вызванной гибелью людей в болоте, является наиболее правдоподобной. Равная по вероятности версия загрязнения озера фекалиями животных, ставшими впоследствии причиной инфекционных болезней человека.

Из материалов обследования Кульвараша в феврале 1932 г. следует, что «вода в озере прозрачная, чистая, пригодная для питья», а в докладной записке капитана Госбезопасности Соколова от 13 мая 1940 г. председателю СНК БАССР Вагапову сообщается, что переселять в Кульвараш людей из спецпоселка ЦЭС нельзя, «вследствие отсутствия годной питьевой воды еще в 1934 году были переселены т/поселенцы в другие районы». Т.е. версия загрязнения воды в озере вследствие организации здесь спецпоселка является правдоподобной.

В завершение выразим надежду, что кто-то продолжит изучать историю спецпоселка Кульвараш и одноименное, пока еще мистическое, озеро.

Кульвараш – что означает это слово?

Так как я привык многое детально анализировать, в первую очередь заинтересовало само название озера – почему его называли «озеро Вараш» (Варяш) (на татарском и башкирском языках слово «куль» означает озеро). Согласно «Словарю топонимов башкирского языка» (под редакцией Т.М. Гарипова, А.А. Камалова (отв. ред.), З.Г. Ураксина. – Башкирское книжное издательство. Уфа, 1980), названия с формантами (можно сказать, со звучанием слов) «варяш//вэрэш» связаны с финно-угорскими языками. Обнаруживается их близость к современным коми, мансийскому, хантыйскому и венгерскому языкам. Например, составители этого словаря название деревни Вэрэш (Варяш) в Янаульском районе считают происходящим от гидронима Вэрэш (гидронимы – названия водных объектов). Согласно «Словарю...», слово «варяш» встречается в названиях рек в Янаульском, Иглинском, Нурымановском, Архангельском районах Республики Башкортостан. Но в том же словаре название реки Уваряш в Баймакском районе составители связывают с венгерским словом «варош» – город, укрепленное место.

Э.Р. Ибрагимова и Р.Х. Тиригулова (работа «Ойконимы Закамья: этнолингвистический аспект» // Сборник научных трудов SWorld. Материалы Международной конференции «Перспективные инновации в науке, образовании, производстве и транспорте 2013. 17–26 декабря 2013 г.». Выпуск 4. Т. 34. Одесса: Куприенко С.В., 2014. С. 39–41) связывают название населенных пунктов Варяш-Баш и Старый Варяш со словом «вараш~варяш», которое в марийском языке имеет значение «ястреб».

Другие авторы относят все же слово «вараш~варяш» именно к водным объектам. Так, М.Р. Валиева в работе «Булгаризмы в башкирской гидронимии» (Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск. 2014. № 1. С. 300–304) считает, что слова «Вереш», «Върльш» имеют мадьярские корни и относятся к гидронимам на территории Республики Башкортостан.

З.Г. Аминев в работе «Роль чувашского языка при изучении ранних этапов тюркизации Южного Урала (в книге: Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. – Чебоксары, 2009. Часть 1. С. 64–66) пишет, что гидронимы «Варяш, Уваряш» имеют тюркское происхождение, вполне объяснимы через древнебашкирский язык чувашского (булгарского) типа и на русский язык переводятся просто как «река».

Анализируя природные объекты Нурымановского и Дуванского районов, в названиях которых есть слово «вараш~варяш», приходим к выводу, что многие из

них связаны с водными объектами: ручьями Варяжка (позже Байряшка, или Баряшка недалеко от Павловки), Чишма-варяш, Яман-Варяш. Река Варяш протекает также в Муслюмовском районе Татарстана.

Однако при обсуждении этимологии слова «вараш~варяш» с моими родственниками появилась версия, что это слово означает «лог», со ссылкой на сайт Русского географического общества (РГО) <https://www.rgo.ru/ru/article/ozero-kulvaryash> (дата обращения: 15.12.2022). Действительно, цитируем: «Само собой озеро представляет из себя карстовую воронку, диаметром в сотни две метров, заполненную водой. Видимо когда-то трещина понора, по которой под землю уходила вода, была затянута глиной. От того превратилось она в водоем, получивший название Кульваряш. Варяшами в этих местах называют лога, коих на Уфимском плато много. Куль в тюркских языках означает озеро. А если вместе, наверное, получится «озеро-лог». Ну, или что-то подобное».

Опираясь на эти сведения РГО, анализируя окрестности вокруг Кульвараша, возвращаясь к работе З.Г. Аминова, можно поспорить с указанным автором о том, что слова «вараш» или «варяш» относятся преимущественно к гидронимам. Так, если с этим согласиться полностью, то Кульвараш переводится или как «озеро-река», или как «озеро-вода», что нелогично.

Подтверждение находим у самого З.Г. Аминова. Цитируемый автор пишет, что «само слово «варош» у мадьяр является заимствованным булгаризмом и восходит к слову «вар, ур, ыр» в значении «ров, окружающий населенный пункт». Далее: «В «Этимологическом словаре чувашского языка» зафиксировано родственное башкирскому «варяш, варяшле» слово «вар», означающий «обдерный овраг с пологими краями; лог; дол; глубокий, длинный и сухой овраг с крутыми и обрывистыми берегами, глубокое сухое русло ручья... В книге известного башкирского топонимиста Азата Камалова «Башкирская топонимика» на стр. 200 приводится диалектизм ыурынды, означающий «овражек»».

На основании этих данных возникает ассоциация слова «вараш~варяш» с русскими словами «вырыть», «рыть» и «ров». Можно также понять, почему лога Чувараш и Шишмал-Варяш в окрестностях Кульвараша так называются.

Первоначально эти места, вероятно, были заселены народами, на языке которых лог звучал как вараш~варяш. На башкирском или татарском языках появилось соответствующее этим языкам уточнение, что по этому логу есть озеро («куль»), или «лог с озером», «озеро в логу» (на русском языке звучало бы как «лог Озерный»), или «Кульвараш».

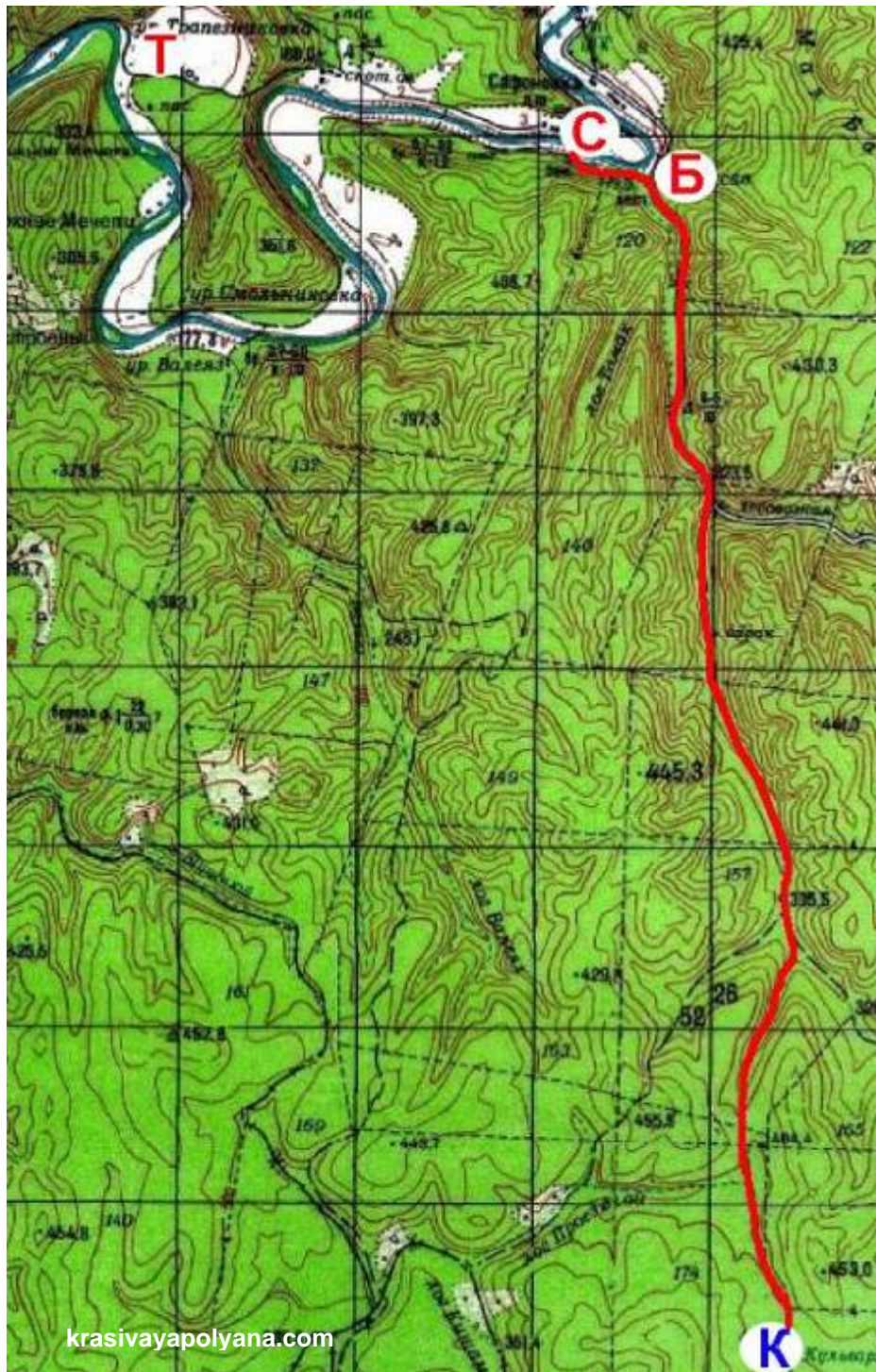
Некоторые архивные и печатные материалы о Кульвараше

Наши поиски документов и воспоминаний о Кульвараше увенчались неожиданной находкой, появились новые данные, опубликованные в книге «Репрессии на северо-востоке Башкирии в 30–50-е годы XX века». Составитель Л.А. Морозова. – с. Месягутово: Дуванская типография, 2007. 248 с. Ни в одном из воспоминаний в этой книге не указывалось, что тела умерших топили в озере, но сообщалось, что их хоронили в земле. Названия же Кульварашу – «Мертвое озеро», а логу – «Мертвый Лог», вероятно, было дано после 1930-х гг., так как в этих местах погибли и не были преданы земле десятки наших соотечественников. Часть материалов из указанного выше сборника приведена в нашей книги. Они разноречивы в оценке количества репрессированных, живших в Кульвараше, но, в целом, колеблются около цифры 600. Сегодня можем привести максимальное **число спецпереселенцев Кульвараша**, которое мы установили из архивных материалов: **841 человек из 187 семей**.

Когда «закрыли» Кульвараш?

Год окончательного закрытия спец(труд)поселка Кульвараш до сих пор был не известен. В отчете Яман-Елгинского леспромхоза за 1933-1934 гг. в дебиторах и кредиторах указана артель Кульвараш. В «Отчете по составлению планов рубок за 1934 год треста «Южураллес»» в разделе «Механизированные и рационализированные дороги, используемые в 1935 и 1936 гг.» указывались дороги «Спец. посел. «Кульвараш» – овощехранилище» и «Спец. посел. «Кульвараш» – дер. Ежовка». Эти сведения позволяют предположить, что Кульвараш еще мог «жить» до 1935 г.

В работе Морозовой Екатерины (Время – жизни нашей скорбный гений // Репрессии на северо-востоке Башкирии в 30–50-е годы XX века. Составитель Л.А. Морозова. – с. Месягутово: Дуванская типография, 2007. С. 29–39.) указывается, что Кульвараш существовал до 1939 г., что неверно. Документальным свидетельством окончательной даты выселения репрессированных из поселка является материал Национального архива Республики Башкортостан. Согласно этому документу, нарком внутренних дел БАССР капитан Госбезопасности Соколов в докладной записке от 13 мая 1940 г. председателю СНК БАССР Вагапову писал: «...прошу отменить свое решение в части переселения (из спецпоселка ЦЭС) т(труд)/поселенцев в количестве 150 семей в пустующий поселок Кульвараш Юразанского Леспромхоза, так как из этого поселка вследствие отсутствия годной питьевой воды еще в 1934 году были переселены т/поселенцы в другие районы». Однако эта дата не совпадает с данным Х.Ф. Нажметдиновой, согласно воспоминаниям которой переселение было в 1933 г., а в школу она пошла в 1934 г. (это событие и год не могут быть ошибочными в биографии человека). Поэтому мы склонны считать, что до 1934 г. в Кульвараше еще могла остаться часть спецпереселенцев, которых окончательно перевели в другие спецпоселки в 1934 г.

Схематический путь (красным) от Сафоновки до Кульвараша, по которому вели репрессированных. Т – Трапезниковка, С – Сафоновка, Б – Басав, К – Кульвараш. Басав упоминается Х.Ф. Нажметдиновой как деревня, куда ходили репрессированные менять вещи на еду, просить подаяние.

(Из книги: Хайруллин Рам. М. Красивая Поляна: 1931–1941. Уфа: Башкирский ГАУ, 2023. 680 с.)

**Проводники на Кульвараш: Сергей Юрьевич Васильцов (слева) и Михаил Иванович Зверев.
Ноябрь 2021 г.**

Ноябрьский рассвет над Первомайском

Дорога по логу Яман-Елга

Здесь прошли волки

**Здесь вышел из строя передний привод
автомобиля**

**Развилка. Здесь был поселок. Эти ели сажал и Сергей Васильцов.
Справа вдали – продолжение лога Яман-Елга. Налево уходит лог Кишам**

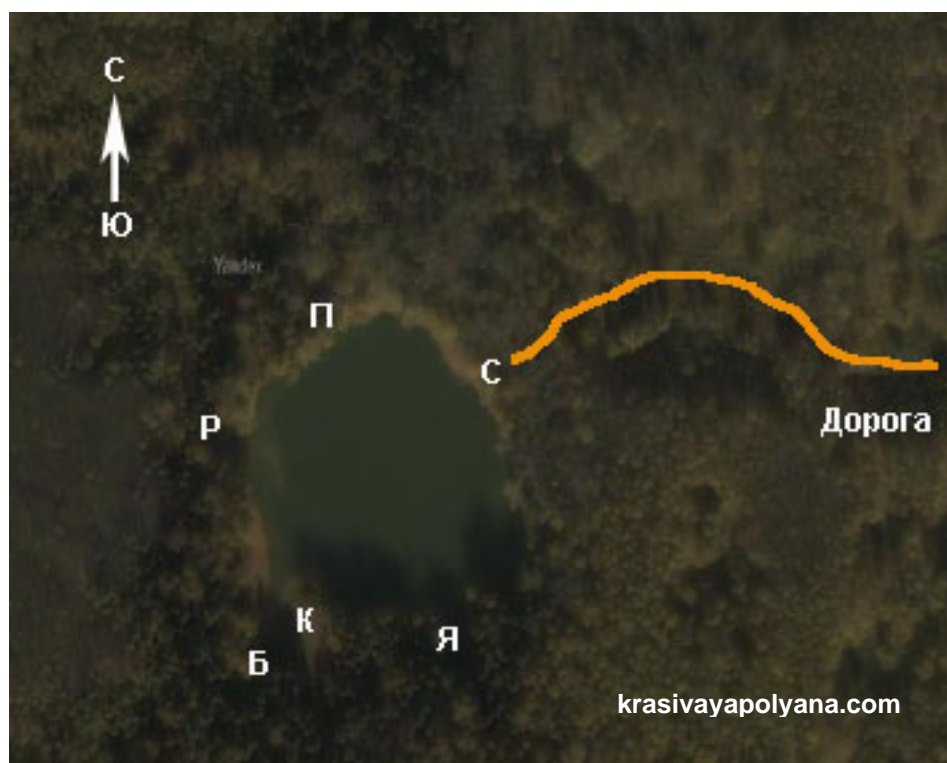
Осинник близ Кульвараша

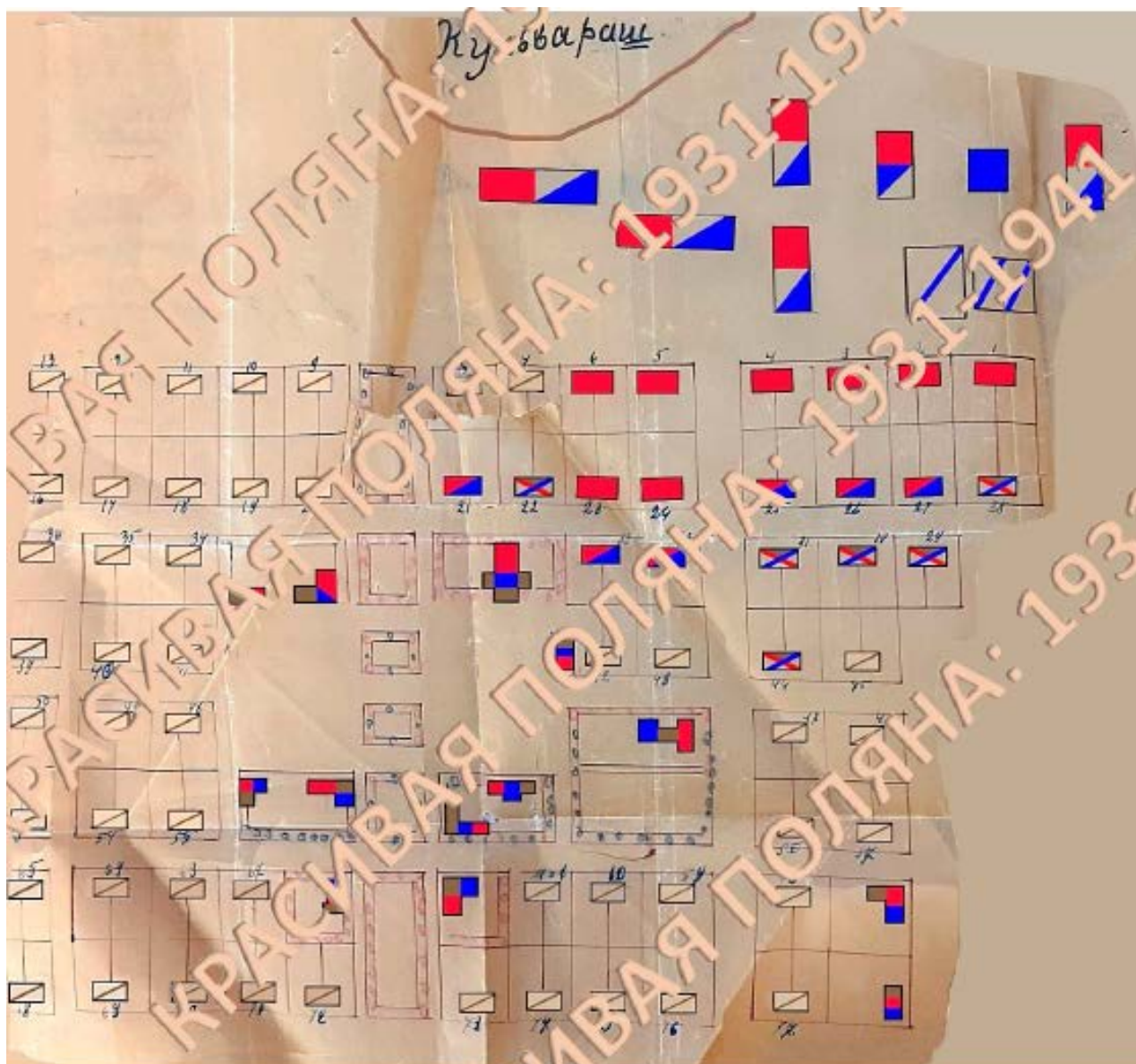
Березняк близ Кульвараша

Времянка в лесу

Условная схема расположения объектов на озере. Дорога – дорога, по которой мы пришли. С – стол-скамейка, Я – яма, К – коса, Б – болото, Р – родник, П – памятник. Сафоновка находится в направлении на север

Условные Знаки Плана с/поселка Кульвараш
Ю. С. [?], Л. П. Х.

Застроенные дома 2х кв.		Службы разные	
Застроенные дома 4х кв.		Не стрoенные дома	
Основанные дома 4х кв.		Вошо...	
Неплановые постройки 2 Бараки - клуб, лекция кухня баня и лесопилка		Конные сараи	

В чем и заверяю по исполнению плана поселка Кульвараша.
 Комендант ОГПУ с/п Подпись
 Руководитель с/пос Подпись
 Десятник Подпись
 План чертил десятник спецпоселка Подпись
 13/II 32 г

Схема спецпоселка Кульвараш. 13/II-1932 г. НА РБ, Фонд Р-1412. Реконструкция наша. «Вошо...» – вероятно, «вошебойки» (помещение дезинфекции)
 (Из книги: Хайруллин Рам. М. Красивая Поляна: 1931–1941. Уфа: Башкирский ГАУ, 2023. 680 с.)

Озеро Кульвараш

Коса на озере

Яма справа от косы

(Из книги: Хайруллин Рам. М. Красивая Поляна: 1931–1941. Уфа: Башкирский ГАУ, 2023. 680 с.)

Заболоченный лог слева от косы, если стоять лицом к озеру

Русло пересыхающего родника, впадающего в Кульвараш

(Из книги: Хайруллин Рам. М. Красивая Поляна: 1931–1941. Уфа: Башкирский ГАУ, 2023. 680 с.)

**Одна из нескольких соединенных между собой четырехугольных ям на берегу озера.
В одной из них были найдены обломки топоров**

Обломки топоров, найденные на месте спецпоселка Кульвараш

23–25 сентября 2011 года Олег Владимирович Галактионов (на фото второй слева) с товарищами Алексеем Геннадьевичем Ахряповым, Виктором Степановичем Виссарионовым, Алексеем Юрьевичем Цеслинским на Кульвараше установили памятник жертвам репрессий. Крест освящал иерей Анатолий из Богородско-Уфимского храма. Фото и информация предоставлены О.В. Галактионовым

(Из книги: Хайруллин Рам. М. Красивая Поляна: 1931–1941. Уфа: Башкирский ГАУ, 2023. 680 с.)